

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ: БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ: О СНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА¹

Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Тев Д.Б.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.5>

Аннотация. В статье представлены результаты исследования социально-структурных характеристик региональных элит и выводы о перспективах влияния властных групп на развитие современного российского общества. При идентификации элит использовался позиционный подход, структурно-биографический метод, в исследование были включены следующие регионы: Санкт-Петербурга, Москвы, Ленинградской, Ростовской, Калининградской, Костромской, Новосибирской областей, Ставропольского и Хабаровского краев,

---

¹ Статья написана в рамках проекта «Региональные властные группы: о сновные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного российского общества» Комплексной программы фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Мировоззренческие, социально-политические, правовые, психологические и духовно-нравственные факторы развития современного российского общества» (Номер государственной регистрации: АААА-А17-117030110142-9).

Республики Дагестан (всего 936 анкет, база данных на 2015 год). Предметом исследования выступали характеристики, связанные, по данным литературы, с уровнем консолидации и гомогенности элит.

Зафиксирована значительная разнородность региональных властных групп с точки зрения условий первичной социализации и типа первого высшего образования, что может обуславливать значительную культурную дифференциацию. Вместе с тем, в последнее время отчетливо наблюдается тенденция к гомогенизации. Однородность социально-профессионального бассейна рекрутирования показывает устойчивый тренд плутократизации и профессионализации региональных властных групп, что свидетельствует об их закрытости, а также консолидации вокруг буржуазных ценностей. Общей тенденцией является формирование особой социальной базы властных элит, минимизирующей приход персон из «низших» слоев. Приобретают устойчивость механизмы вертикальной мобильности, что связано со стабилизацией данной социальной группы. Сохраняется значительной роль коррупции как одного из механизмов консолидации элитных групп, фактором их функционирования и солидарности власти и населения. Высокий уровень социальной закрытости, плутократизации и гомогенизации элитных групп позволяет сделать вывод о значительной степени консолидации властного сообщества и стабилизации связанного с ним существующего социального порядка.

Ключевые слова: региональные властные группы, региональные элиты, группы доминирования, администраторы, бюрократы, чиновники, социализация, консолидация плутократизация элиты, социальный порядок.

Зарубежные исследователи в своих работах показывают, что внутриэлитная консолидация в значительной степени зависит от социально-структурных характеристик групп доминирования. Прежде всего, это касается того, насколько они гомогенны. Данная характеристика напрямую связана с устойчивостью этих групп и их специфичностью по сравнению с другими группами. Одновременно эта характеристика выступает существенным фактором их политики. В

социологических и политологических текстах на сей счет фиксируется зависимость политических ценностей и установок политических властных акторов от их социального происхождения и связанных с ним условий социализации. Понятно, что эта закономерность действует отнюдь не динамически, но статистически. Помимо этого, контекстные факторы могут значительно скорректировать эту связь. Надо отметить, что вторичная и третичная социализации также оказывают влияние, как и образцы рекрутирования в правящий слой и общие характеристики бассейна рекрутирования.

Исследование французских и западногерманских элит, проведенное еще в 1964 году Льюисом Эдинджером и Дональдом Сиригом, продемонстрировало связь явных и латентных аттитюдов членов элитного сообщества с большинством переменных социального происхождения. Существенно, что для германских властных персон важным фактором для прогнозирования их установок оказалась деятельность в предшествующие года [Edinger, Searing 1967]. Гарольд Кербо и Ричард Делла Фэйв, касаясь рассматриваемого вопроса, зафиксировали, что, «хотя соответствие между происхождением, с одной стороны, и аттитюдами, ценностями и поведением, с другой, далеко от абсолютного, исследования показали достаточно сильные корреляции для того, чтобы сделать стоящим это направление исследования» [Kerbo, Della Fave 1979: 6].

Вполне правомерно можно утверждать, что гомогенность социально-структурных характеристик, включающих социальное происхождение, социально-профессиональный бассейн рекрутирования членов элитного сообщества является важным и статистически значимым фактором, влияющим на сходство, однородность политических и социальных взглядов, а в конечном счете консенсуса в отношении базовых ценностей властных элит. Чонг Лим Ким и Самуэль Паттерсон отмечали, что «социальная гомогенность, возможно, не является «ни необходимым, ни достаточным условием элитной интеграции», но, безусловно, существует очень выраженная

тенденция к тому, чтобы члены элиты разделяли общий опыт в своем социальном и политическом происхождении. Такой общий опыт облегчает межличностное взаимодействие внутри политической элиты и оказывает прямые и косвенные воздействия на согласованность и совместимость ценностей членов элиты» [Kim, Patterson 1988: 380]. Важно отметить, что выводы исследователей базировались на данных шести очень различных стран — Бельгии, Швейцарии, Италии, Кении, Южной Кореи и Турции. В уже упоминаемом исследовании Л. Эдингера и Д. Сиринага есть эмпирические подтверждения на францужско-германском сравнительном материале. Хотя, конечно, к этим данным надо подходить с осторожностью, в виду невозможности прямой экстраполяции выводов и специфики контекста, о котором писал Ральф Дарендорф [Dahrendorf 1969: особенно 353-359]. Итак, исследователи разделили западногерманскую элиту на две подгруппы с противоположными позициями по ряду вопросов, и установили, что связь между характеристиками социального происхождения и аттитюдами сильнее в этих дихотомических, внутренне сплоченных подгруппах, чем среди общенациональной элиты в целом [Edinger, Searing 1967: 441-444].

Энтони Гидденс писал, что закрытая система рекрутирования создает относительную однородность характеристик социального происхождения и обеспечивает доступ в элиту, прежде всего, представителям привилегированных слоев и лишая его выходцев из «низов», и, «вероятно, обеспечивает тип согласованной социализации, производящий высокий уровень интеграции между (и внутри) элитными группами» [Giddens 1974: 6]. Вместе с тем, он подчеркивает и относительность этой зависимости, указывая на случаи, в которых закрытый паттерн рекрутирования сочетается с низким уровнем внутриэлитной интеграции («учрежденная элита») и где, напротив, разнообразие характеристик социального происхождения элиты совмещается с высоким уровнем интеграции (т.н. «солидарная элита», характерная, например, для социалистических стран) [Giddens 1974: 6].

Помимо этого, как указывал Р. Дарендорф, «социальная гомогенность способствует продуктивному конфликту, потому что она исключает правила игры из круга вопросов как относящихся к сути дела; кроме того, социальная гомогенность безусловно исключает представительство различных интересов. Представительное правление в либеральном устройстве не только может, но и должно иметь устоявшийся политический класс» [Dahrendorf 1969: 261].

Иерархические структуры играют фундаментальную роль в стабилизации общественных порядков. Как показано в литературе, именно властные группы задают параметры консолидации общества и государства. Другое дело, что консолидация может осуществляться авторитарно и демократически. Значимым здесь является контекст и исторический путь, что обычно концептуализируется через зависимость от пройденного пути. В этом отношении консолидация элит и общества имеет свои ограничения.

В условиях российской незавершенной трансформации данное обстоятельство приобретает особенно большое значение как для активности властных структур и возможных перспектив развития российского общества и государства, так и для оценки тенденций институционализации социального порядка.

Авторский коллектив уже обращался к проблеме социально-структурных характеристик властных групп, их рекрутирования, становления и институционализации. Ранее (в 2009-2010 гг.) мы исследовали возможные факторы консолидации власти и общества в России. Данная работа на основании новых материалов продолжает это направление исследований. Помимо чисто эмпирической новизны следует отметить новый концептуальный ракурс анализа.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ВЛАСТНЫЕ ГРУППЫ:

ОСНОВНЫЕ СОЦИАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И РОЛЬ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Исследование направлено на прояснение вышеуказанных характеристик российских региональных властных элит. В рамках этой задачи был проведен анализ биографических, включая карьерные, данных, собранных по десяти регионам России на 2015 год. При идентификации элит мы использовали позиционный подход.

Объектом исследования выступали региональные политико-административные элиты (властные группы, группы доминирования), к которым относятся: высшие региональные чиновники (администраторы, бюрократы) — глава региона, его заместители, члены регионального правительства, главы региональных министерств, комитетов и приравненных к ним административно-управленческих структур; депутаты (политики) региональных легислатур и члены Федерального Собрания Российской Федерации от данных регионов.

Предметом нашего исследования были структурные характеристики региональных элит, особенности их бассейна рекрутирования, образования, профессиональных карьер, позволяющие сделать заключение о гомогенности или гетерогенности групп доминирования.

При анализе мы применяли *структурно-биографический метод*, который предполагает изучение структуры властных групп в связи с биографией их членов. В качестве источников информации использовались справочники, официальные сайты правительств и легислатур десяти регионов (Санкт-Петербург, Москва, Калининградская, Костромская, Ленинградская, Новосибирская, Ростовская области, Ставропольский и Хабаровский края, Республика Дагестан), сайты Государственной Думы и Совета Федерации, материалы СМИ и другие интернет-ресурсы. Сначала создавались полнотекстовые файлы с биографической и прочей информацией по

каждому представителю региональной политико-административной элиты, затем эта информация упорядочивалась в персональных файлах-анкетах. После этого осуществлялись кодировка и ввод данных для статистической обработки в пакете SPSS. Кроме машинной обработки формализованных данных, проводился и анализ индивидуальных карьер на основе неформализованных биографических данных.

Было собрано и введено в базу данных 936 анкет (табл. 1). Поскольку депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации от регионов являются политиками не только федерального уровня, но и активно, подчас, действуют на в самом субъекте Федерации, выступая важными региональными акторами, мы их включили в общее число региональных политиков. В ряде случаев количество депутатов legislatur превышает число мест. Это объясняется переходом политиков на другую работу или их смертью. Но в базе данных мы их оставили, добавив новых депутатов.

Таблица

1 База данных по региональной властной элите (человек)

Регион	Элитная группа		Итого
	администраторы	Политики*	
Санкт-Петербург	30	62 (50)	92
Ленинградская область	46	57 (50)	103
Ростовская область	37	67 (51)	104
Калининградская область	32	46 (41)	78
Костромская область	37	40 (34)	77
Хабаровский край	28	35 (27)	63
Москва	84	65 (36)	149
Новосибирская область	36	83 (74)	119
Ставропольский край	0	50 (50)	50
Республика Дагестан	0	101 (90)	101

Итого	330	606 (503)	936
-------	-----	-----------	-----

* Дается общее число депутатов представительных органов власти субъектов РФ, депутатов ГД от данных субъектов и представителей в СФ. В скобках указано сколько из них депутатов региональных legislatures.

Наши предыдущие исследования в шести регионах Российской Федерации ¹ позволили выявить ряд тенденций рекрутирования региональных властных групп, их социально-структурные характеристики. Среди них: относительно закрытый бассейн рекрутирования, низкая вертикальная мобильность, плутократизация элит, их укорененность во властных группах советского общества.

Накопленный эмпирический материал позволяет проверить устойчивость выявленных тенденций на более широком и более разнообразном круге регионов (включая столицу РФ и одну из национальных республик), а также во временной динамике.

УСЛОВИЯ ПЕРВИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Следует отметить, что в отношении условий первичной социализации региональные элиты остаются достаточно гетерогенными. Они достаточно разные. Во-первых, существует значительное расхождение между администраторами и депутатами региональных legislatures (рис. 1 и 2). В целом, политики в большей мере периферийны. Если с реди

---

¹ Проект «Условия и возможности консолидации российского общества», входившего в программу фундаментальных исследований Отделения общественных наук РАН «Социально-политическая и духовно-нравственная консолидация российского общества на современном этапе» (2009–2011 гг.). Результаты опубликованы в: [Условия и возможности консолидации... 2010].

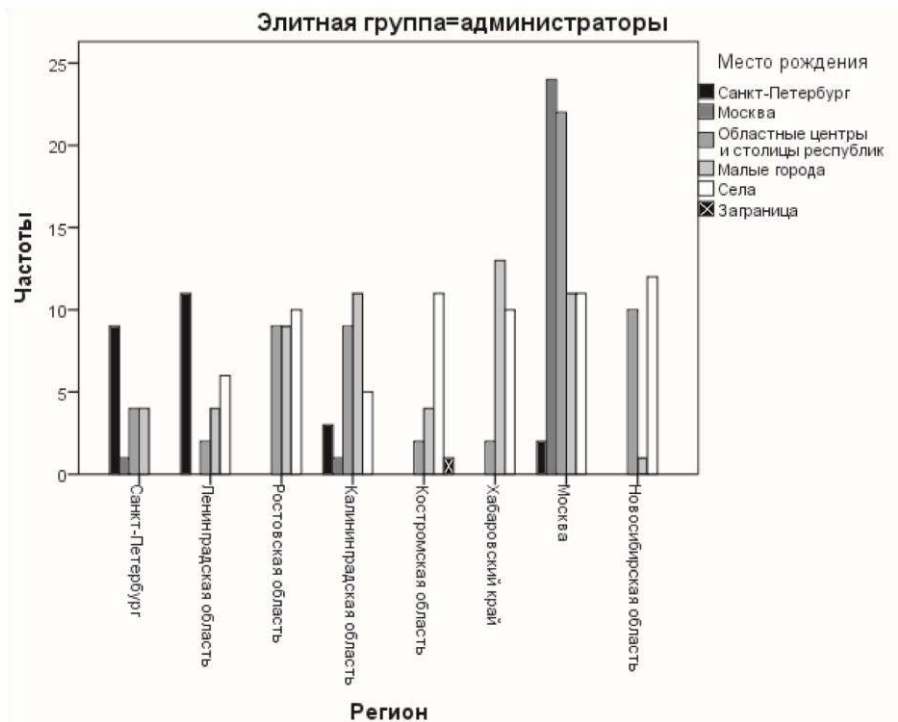

Рис. 1. Место рождения региональных администраторов (N=234)

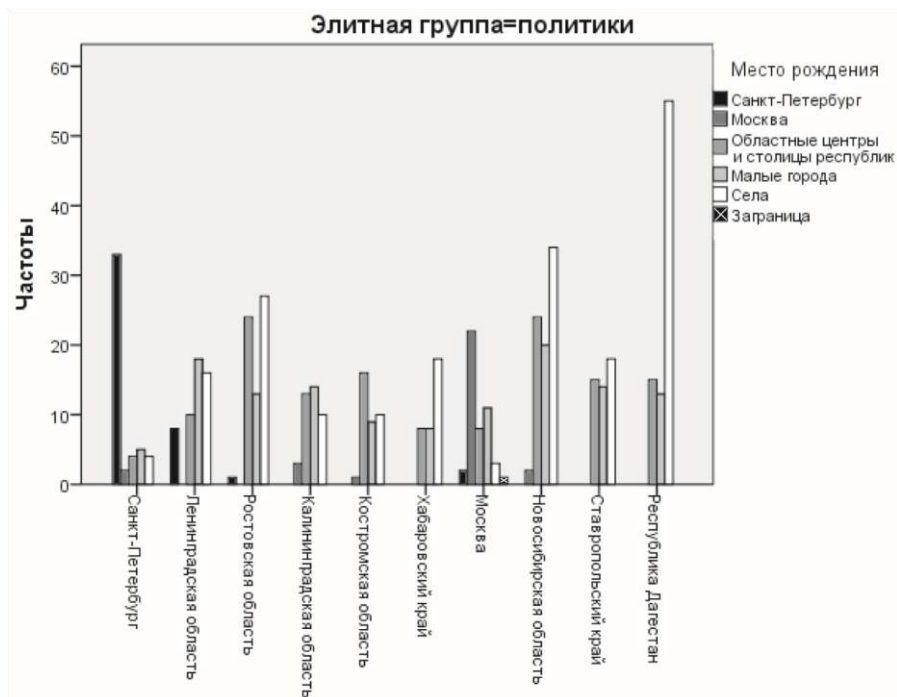

Рис. 2. Место рождения региональных политиков (N=532)

администраторов 48 % родились (и, как мы можем предположить, провели свои ранние годы) в столичных городах и областных центрах, то у политиков эта доля всего 35 %. Доля же родившихся в сельской местности у депутатов достигает 52%. По сравнению с 38% у бюрократической части региональной элиты — это существенное различие.

Во-вторых, различия наблюдаются и по регионам. Поллюсами здесь являются питерские бюрократы и хабаровские депутаты. Первые — все горожане по рождению (и, скорее всего, по воспитанию). Из них более двух третей родились в Санкт-Петербурге или Москве. Вторые — на 76% уроженцы села, при том, что 82% населения региона — жители городов [Численность населения... 2017: Табл.3. Оценка численности постоянного населения по субъектам Российской Федерации]. Ясно,

что депутаты в значительной степени более «народны», поскольку они по политическому происхождению являются народными избранниками. Однако, в устойчивых политических системах властные элиты значительно отличается от основной массы населения. В российских условиях недавность перехода к капиталистической системе отражается и на социальном происхождении властных групп. Хотя, административная элита в большей степени, чем политическая отбирается из более социально «продвинутых» групп.

Вместе с тем, существует ярко выраженная тенденция снижения доли уроженцев малых городов и сельской местности в зависимости от возраста членов элитных групп. И дело здесь не только в процессе урбанизации, но и в изменении бассейна рекрутирования. Получение необходимого образования и возникновение возможностей для продвижения наверх становится всё меньше у выходцев из периферии.

На рисунках видно, что в части регионов существует если не гомогенность, то доминирование определенных групп. Можно предположить, что это обеспечивает стабилизацию властных элит.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО БАСЕЙНА РЕКРУТИРОВАНИЯ И КАРЬЕРЫ КАК ФАКТОРЫ ВНУТРИЭЛИТНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

В какой мере социально-профессиональный бассейн рекрутирования российской политической и административной элит регионального уровня характеризуется однородностью, благоприятствующей внутриэлитной сплоченности и консолидации вокруг общих ценностей? В первую очередь, надо подчеркнуть, что бассейн рекрутирования высокопоставленных администраторов и депутатов в исследуемых регионах не отличается значительной социально-классовой поляризацией (что, кстати, показывали и наши предыдущие исследования [см.: Быстрова и др. 2008; Тев 2010]). Об этом свидетельствует анализ представленности во властных группах двух

противоположных экономических категорий: рабочих и крестьян, с одной стороны, и руководителей экономических (коммерческих) организаций, то есть членов экономически доминирующего класса, с другой. Ни один член нынешней административной элиты указанных регионов не принадлежал в постсоветское время, 1993-2010 гг., к низшим классам. Только 1% политиков в 1993 г., а также по своей предпредшествующей позиции, относился к категории рабочих. В то же время, экономически доминирующий класс является основным источником рекрутирования депутатов и чиновников за пределами самой политико-административной сферы. Бизнес поставляет большую долю региональных чиновников и политиков, чем все остальные источники их «внешнего» рекрутирования вместе взятые. Как видно из таблиц 2 и 3, предпредшествующая должность у примерно четверти (24%) администраторов и почти 40% депутатов была связана с руководством экономическими структурами.

Таблица

2 Работа в 1993–2010 гг., а также предшествующая и предпредшествующая работа членов административной элиты (в процентах)

Работа	Руководители экономическ их структур	Администратор ы	Депутат ы	Три властных х сегмента вместе
В 1993 г. (n=237)	21	24	1	46
В 1995 г. (n=235)	24	31	1	56
В 2000 г. (n=257)	25	47	1	73

В 2004 г. (n=271)	22	62	1,5	85,5
В 2008 г. (n=282)	19	71	3	93
В 2010 г. (n=289)	13	81	2	96
Предпредшеств. (n=289)	24	63	2	89
Предшеств. (n=312)	16	78	1	95

Таблица

**3 Работа в 1993–2010 гг., а также предшествующая и
предпредшествующая работа членов политической элиты
(в процентах)**

Работа	Руководители экономических структур	Депутаты	Администраторы	Три властных сегмента вместе
В 1993 г. (n=405)	37,5	14	10	61,5
В 1995 г. (n=423)	44	12	14	70
В 2000 г. (n=453)	44	21	13	78
В 2004 г. (n=467)	38	36	10	84
В 2008 г. (n=501)	23	61	8	92
В 2010 г. (n=497)	14	75	7	96
Предпредшеств. (n=478)	39	33	11	83
Предшеств. (n=519)	24	56	9	89

Для сравнения, специалистами, работниками науки, культуры и образования, медиками и юристами (их, по крайней мере, отчасти

можно отнести к средним, промежуточным слоям или профессиональным группам) были, по своей предпредшествующей позиции, всего 5% администраторов и 8% депутатов. Вместе с тем следует отметить, что степень плутократического рекрутирования политико-административной элиты существенно варьируется по регионам. Наиболее высокие показатели плутократизации высокопоставленного чиновничества характерны для Петербурга. Здесь почти каждый четвертый (23%) администратор непосредственно перед тем, как занять нынешнюю должность, был бизнесменом, и у 38% членов административной элиты с руководством компаниями связана работа, предпредшествующая нынешней должности. В то же время в Хабаровском крае только 11% администраторов пришло непосредственно из бизнеса, а в Ростовской области лишь у 12,5% чиновников с руководством предприятиями была связана работа, предпредшествующая нынешней должности. Что касается политической элиты, то самые низкие уровни плутократизации демонстрирует депутатский корпус Петербурга, Москвы и Дагестана, где, соответственно, 5%, 10% и 12% парламентариев непосредственно перед избранием руководили компаниями. Напротив, наиболее широко представлены бизнесмены среди политической элиты Ростовской и Калининградской областей, где, соответственно, 38% и 35% депутатов занимали ключевые должности на предприятиях различных форм собственности перед тем, как вступить в нынешнюю должность. Однако нужно учитывать также то, что многие члены властной элиты, которые сами никогда не работали на ключевых должностях в экономических структурах, имеют родственников, занимающих позиции руководителей и нередко и владельцев различных фирм. В связи с этим можно предположить, что большинство всей политико-административной элиты исследуемых регионов было в разное время связано с бизнесом, экономически доминирующим классом, либо непосредственно, имея опыт руководства компаниями, либо косвенно, через членов семьи.

Конечно, кроме плутократизации существует и тенденция профессионализации региональных властных групп, которая, по крайней мере, среди высокопоставленного чиновничества является доминирующей. Вообще, большинство нынешних администраторов и политиков непосредственно пришло не из экономических структур, а с руководящих позиций в самой политико-административной сфере. Так, таблица 2 показывает, что в целом по восьми регионам примерно четыре пятых административной элиты непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность уже работали чиновниками, и почти у двух третей предпредшествующая должность была административной (следует, впрочем, отметить, что наблюдаются существенная вариативность выраженности профессионализации административной элиты в региональном разрезе). Что касается депутатов, то среди них плутократизация вполне может соперничать с профессионализацией. Как мы видим из Таблицы 3, по своей предпредшествующей работе, только треть членов политической элиты были депутатами, но почти 40% — бизнесменами. Впрочем, и среди региональных политиков более половины на момент занятия нынешней должности уже работали депутатами, причем наиболее профессионализированным является депутатский корпус Санкт-Петербурга и Дагестана. Однако, в некотором отношении, и руководители предприятий, и высокопоставленные администраторы, и законодатели могут быть отнесены к одной и той же категории «руководителей» со сходными, привилегированными, условиями труда и жизни, существенно отличающимися от условий рабочих и рядовых служащих. Как видно из Таблиц 2 и 3, в 1993-2010 гг., а также по своей, как предшествующей, так и предпредшествующей позиции к этой, руководящей страте общества принадлежало подавляющее большинство членов нынешней политической и административной элиты рассматриваемых субъектов РФ.

В общем, высокий уровень плутократизации властной элиты; почти полное отсутствие в ней персон, принадлежавших, с точки зрения своей

профессиональной позиции, в постсоветский период к низшим классам, интересы которым коренным образом отличаются от интересов бизнеса; сравнительно слабое присутствие представителей промежуточных, «средних» социально-профессиональных групп и абсолютное доминирование выходцев из «руководящей страты», позволяют говорить о довольно высоком уровне социальной закрытости и однородности бассейна рекрутирования политико-административной элиты. Эти характеристики рекрутирования могут благоприятствовать внутриэлитной социальной сплоченности и консолидации вокруг буржуазных, по существу, ценностей: общей приверженности капиталистической системе, неприятия не только радикальных преобразований, но и серьезных реформ в интересах подчиненных классов, восприятия интересов капитала как «всеобщих» и приоритетных в региональной политике. Впрочем, некоторые другие факторы, такие как, например, социализация в советский период и номенклатурный опыт, могут работать в ином направлении. Кроме того, надо отметить, что интенсивные, как одновременные, так и динамические, переплетения политико- административной и экономической элит также могут способствовать их сплочению в единую, хотя и дифференцированную, в функциональном и институциональном плане, «властвующую» или «правлящую» элиту, о которой в свое время писали Ч.Р. Миллс [Миллс 1959] и В. Домхофф [Domhoff 1983].

Однако выраженная плутократизация региональной политико-административной элиты может иметь и противоположный эффект, способствуя дезинтеграции. Политики и чиновники, пришедшие в государственный аппарат из бизнеса или имеющие родственные связи с бизнесменами, могут преследовать не только «общеклассовые», но и особенные, нередко находящиеся в противоречии друг с другом экономические и политические интересы, обусловленные спецификой условий накопления капитала тех компаний и отраслей, которые они представляют. В этом смысле, плутократизация может способствовать

дезинтеграции, разобщению политико-административной элиты, которую раздирает соперничество конкретных коммерческих интересов. В частности, тесная связь конкретных политиков и чиновников с определенными экономическими структурами, из которых они пришли на государственные посты, может подрывать способность политико-административной элиты формулировать и осуществлять политику в интересах бизнеса в целом, поскольку такая политика нередко требует обуздания эгоизма особенных интересов отдельных фирм и отраслей. Неслучайно К. Оффе отмечал, что «государство, которое <...> должно быть «идеальным коллективным капиталистом» <...> должно быть <...> структурой, выступающей по отношению к особенным и узким интересам индивидуальных капиталистов и их политических организаций как надзорная, опекающая сила, — во всяком случае, такая сила, которая является отчужденной и суверенной властью» [Off e 1993: 108].

ОБРАЗОВАНИЕ

Роль образования в процессе формирования элитных групп многократно изучалась отечественными и зарубежными исследователями. Еще П. Сорокин отмечал, что «многие социальные сферы и ряд профессий практически закрыты для человека без соответствующего диплома» [Сорокин 1992: 252]. Более того, различные модели формирования элит основываются на специфике систем образования в той или иной стране¹. Из недавно вышедших работ упомянем публикацию Лаурен Ривера [Rivera 2015], где также рассматривается роль элитного образования. Для региональных элитных групп в наше время пока ещё значение получения высшего образования в определённых учебных заведениях не является таким уж важным фактором, но в то же время определяет гомогенность /

---

¹ См., например, работы М. Хартмана: [Hartmann 2010; Хартманн 2012].

гетерогенность социально-структурных характеристик этих групп. Однако некоторая тенденция прослеживается. Ярким примером на региональном, а затем и на федеральном уровне политико-административных элит является группа выпускников СПб ГУ (ЛГУ) или Политехнического института. Конечно, дело здесь было не только и не столько в качестве образования, но в личных связях конкретных персон.

Таблица

4 Тип первого высшего образования членов региональной административно-политической элиты, в процентах (7 регионов, N=566)

Регион	Фин-экон	Упр-полит	Гуманит	Технич	Юридич	Военно	Военно-медицин	Медиц. и ветеринар	Другое
Санкт-Петербург	18	-	7	36	12	15	2	3	7
Ленинградская область	18	2	5	48	6	12	-	7	2
Ростовская область	13	1	8	46	5	17	-	8	2
Калининградская область	18	4	11	36	7	20	-	4	-
Костромская область	25	2	18	30	2	12	-	9	2
Хабаровский край	16	3	13	38	7	7	-	11	5
Новосибирская область	15	1	13	45	6	8	-	7	5
Итого	17	2	10	41	6	13	>1	7	3

Обращаясь к эмпирической биографической базе, созданной в секторе социологии власти и гражданского общества СИ РАН, отметим, что, как и в более раннем исследовании, в составе политико-

административной элиты велика доля лиц, получивших в качестве первого высшего технического образование. Хотя можно отметить некоторое уменьшение этой доли: по административно-политической элите в целом до 41%; по политической элите снижение до 43%. Лидерами в сохранении высокой доли первого высшего технического образования являются Ростовская и Ленинградская области (55% и 53% соответственно в политической элите, и 46% и 48% в административно-политической элите в целом). Роль военного образования характеризуется следующими показателями: в административно-политической элите в целом 13% лиц, имеющих первое высшее военное образование (лидеры — Калининградская и Ростовская области — 20% и 17% соответственно); в политической элите около 14% (лидеры — Калининградская область с 24% и Санкт-Петербург — 21%). По-прежнему невелика доля тех, кто получил управленческо-политическое образование. Второе образование в какой-то мере восполняет этот недостаток. Однако качество второго высшего образования, нередко получаемого без отрыва от основной работы и в более короткие сроки, может быть не очень высоким.

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ ВНУТРИСЕКТОРАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ

Степень внутрисекторальной, в частности, горизонтальной мобильности является одним из важных аспектов формирования элиты, определяющих ее относительную гомогенность/гетерогенность. Анализ последней по времени части эмпирической базы сектора социологии власти и гражданского общества СИ РАН демонстрирует появление тенденции горизонтальных перемещений внутри административнополитической элиты (в большей мере это относится к ее административной части). Перемещение чиновников высокого ранга из одного региона в другой происходит и по принципу профессионализма (приглашение эффективного руководителя), и по

принципу реализации прежних связей, как деловых, так и личных, по принципу лояльности. Видимо, нередко эти принципы сочетаются. Из наиболее ярких примеров: приглашение на работу в Правительство Карелии отставного чиновника Правительства Ленинградской области, который потерял должность по причине нарушений законодательства о проведении конкурсов на госзакупки. На чиновника был наложен довольно крупный штраф. В восприятии приглашающей стороны это не испортило его репутации. Как представляется, более существенное значение имело то, что первое лицо Карелии ранее работало на высоких должностях в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Сами по себе горизонтальные перемещения являются способом обновления корпуса элиты, повышения эффективности государственных институтов, укреплению внутриэлитных взаимодействий. Кроме того, позволяет конкретным персонам получить дополнительный стимул к активной деятельности. Важным является также то, что горизонтальные перемещения позволяют при прочих равных условиях предотвратить или разорвать коррупционные связи.

УКОРЕНЕННОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭЛИТ

Другой стороной мобильности региональных элит является их связь с местным сообществом. В разных регионах доля лиц, родившихся в тех регионах, где они занимают элитные позиции, существенно различается (рис. 3).

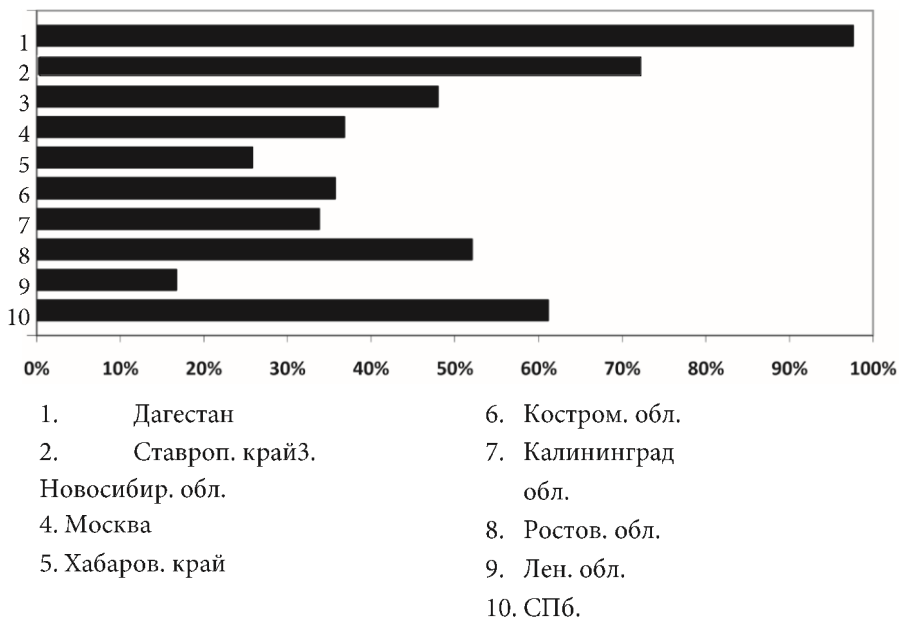

Рис. 3. Доля членов региональных элитных групп, родившихся в том же регионе (в процентах, N=842)

С точки зрения сохранения устойчивости властных групп межрегиональное перемещение персон, претендующих на начальственные посты, не совсем функционально. Формирование собственной социальной базы, форматирование социально-политического пространства для элит чрезвычайно важно. Укоренение в регионе, включение в его социальные сети и интересы создает не только основания для коррупции, но и для заинтересованности в развитии данного региона, что способствует консолидации элитного сообщества. Здесь ситуация достаточно амбивалентна.

Элитная иммобильность имеет разные основания. В Дагестане это в значительной степени связано с сохранением традиционных связей, в Ставрополье с большим удельным весом сельского населения и сельскохозяйственного производства. Санкт-Петербург, как вторая столица, в определенной степени является «конечной остановкой». Здесь с точки зрения карьеры возможно только перемещение в Москву.

Серьезная образовательная база способствует подготовке энергичных акторов на уровне выше среднего по стране. Ресурсы для сохранения себя в регионе и недопущения чужаков достаточно большие. Ранее мы обращали внимание на тенденцию плутократизации. В Петербурге достаточно развитая экономика, мощные финансовые, строительные, риэлтерские и промышленные группы, которые стремятся влиять на внутригородскую политику. Амбиции находят здесь достаточно возможностей для реализации при наличии хорошего потенциала.

Необходимо сказать специально о Ленинградской области. Сам регион сильно связан с Санкт-Петербургом, который одновременно является центром области, где расположены все административно-политические учреждения региона. И если уроженцев Ленобласти в руководстве субъекта Федерации 17%, то родившихся в Петербурге о казывается 25%, вместе это уже 42%. Показатель выше, чем у Хабаровского края, Калининградской и Костромской областях и Москве.

КОРРУПЦИЯ

Говоря о гомогенности/гетерогенности элитных групп и оценке степени внутриэлитной вертикальной и горизонтальной интеграции, невозможно обойти вопрос коррупции. В последние годы власти демонстрируют довольно активные действия в «борьбе» с этим явлением.

Отстраняются от должности в связи с утратой доверия высокие должностные лица, часть их арестована и обвинена в нарушениях закона, которые могут быть квалифицированы как коррупционные деяния. По-прежнему продолжается практика устранения политических конкурентов по такого рода обвинениям. По сути это процесс гомогенизации элитного корпуса, восстановление иерархии полномочий и возможностей кормления (чтобы «брали по чину»). С точки зрения сплочения элитных групп на региональном уровне

применяются действенные средства. Подчеркнем, что включение властных персон в солидаристические взаимодействия в форме коррупционных связей в рамках неписаных правил делает их поведение предсказуемым.

Следует обратить внимание еще на один аспект коррупционных солидаристических взаимодействий: региональная власть — население. Этот аспект приобрел публично-криминальную окраску в одном из эпизодов, связанных с арестом и отстранением от должности губернатора Кировской области. Пока ситуация *выглядит* следующим образом: губернатор взял деньги у предпринимателя не на свои нужды, а на постройку храма (или другие общественные надобности). То есть коррупционная по внешнему виду и характеру связь по существу способствует поддержанию нормальных отношений с населением, поскольку помогает решить власти важный для населения вопрос. Аналогичных примеров не счесть в процессе осуществления так называемой «социальной ответственности бизнеса» в регионе. То есть коррупционные взаимодействия являются сферой установления солидарности власти и населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе наших данных мы можем предположить, что региональные элиты достаточно культурно дифференцированы, что создает эффект «разночинности». Это связано как с разными условиями первичной социализации и образовательной гетерогенностью. Данное обстоятельство может несколько затруднить элитную консолидацию, так как культурно-социально-психологическое единство будет неполным. Данное состояние элиты Р. Дарендорф назвал «абстрактным», то есть статистически фиксируемое, но отсутствующее как часть реального с оциального структурирования воспроизводящегося социального порядка [Dahrendorf 1969: 219–220].

Вместе с тем, в последнее время отчетливо наблюдается тенденция к гомогенизации властных групп. В сфере образования особенно это очевидно у чиновничества, что связано с обязательной переподготовкой и повышением квалификации. Общей тенденцией является постепенная урбанизация бассейна рекрутирования. Также мы фиксируем устойчивый тренд плутократизации региональных властных (особенно политических) элит, что также способствует созданию гомогенности. Административная элита, поскольку она, в отличие от политической (исключением являются депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга), повседневно рутинно профессионально занимается управленческой деятельностью, пополняет свои ряды в большей степени посредством бюрократического продвижения. Поэтому у политиков и чиновников бассейны рекрутирования различаются.

Тем не менее, общей тенденцией является формирование особой социальной базы властных элит, исключаяющей (или, по крайней мере, минимизирующей) приход персон из «низших» слоев. Данное обстоятельство связано с автономизацией региональных элит, что свидетельствует о значительной стадии их институционализации. Помимо приобретения устойчивости механизмами вертикальной мобильности, можно говорить (пока осторожно) о некотором опривычивании горизонтальной мобильности членов административного элитного сообщества. Что связано со стабилизацией социальной группы чиновничества регионального высшего уровня. Это несколько напоминает номенклатурные механизмы циркуляции административных персон. Остается значительная роль коррупции как одного из механизмов консолидации элитных групп и солидарности власти и населения. Коррупция остается также важным фактором функционирования властных групп. Вышеизложенное может свидетельствовать о значительной степени институционализации как элитного сообщества, так и российского социального порядка.

Литература и источники

Быстрова А.С., Дука А.В., С., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242.

Миллс Р. Властвующая элита. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959. 543 с.

Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. С. 184–269.

Тев Д.Б. Региональная политико-административная элита: бассейн рекрутирования и консолидация // Условия и возможности консолидации российского общества. Сборник научных трудов СИ РАН / Отв. ред. А.В. Дука, И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 111–125.

Условия и возможности консолидации российского общества: Сб. науч. тр. / отв. ред.: А.В. Дука и И.И. Елисеева. СПб.: Нестор-История, 2010. 280 с.

Хартманн М. Модели образования элит в Европе // Властные структуры и группы доминирования: Материалы десятого Всероссийского семинара «Социологические проблемы институтов власти в условиях российской трансформации» / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 10–39.

Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2017 года / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). М., 2017. [Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafс3абfсe; доступно 15.11.2017.]

Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi, 457 pp.

Domhoff W.G. Who Rules America Now? A View for the '80s. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1983. ix, 203 pp.

Edinger L.J., Searing D.D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // American Political Science Review. 1967. Vol. 61, № 2. P. 428–445.
Giddens A. Elites in the British class structure // Elites and Power in British Society / Ed. by Stanworth P. and Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974. P. 1–21.

Hartmann, M. Elites and Power Structure // Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century Berlin; New York: Springer, 2010. P. 291– 323.

Kerbo H.R., Della Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research // Sociological Quarterly. 1979. Vol. 20, № 1. P. 5–22.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // Comparative Politics. 1988. Vol. 20, № 4. P. 379–399.

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions // The State: Critical Concepts / Ed. By Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1. P. 104–129.

Rivera, Lauren A. Pedigree: How Elite Students Get Elite Jobs. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 2015. xvi, 375 pp.

REGIONAL ELITES: POOL OF RECRUITMENT

REGIONAL POWER GROUPS: BASIC SOCIAL AND STRUCTURAL CHARACTERISTICS AND A ROLE IN DEVELOPMENT OF TODAY RUSSIAN SOCIETY

A. Bystrova, A. Daugavet, A. Duka, D. Tev

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.5>

Abstract. *This article represents the results of the research of basic sociostructural characteristics of regional elite and some conclusions about the prospects of their influence on development of today Russian society. Methodological frame includes the position approach to identification of elites and the structural and biographic method. The research concerned following regions: St. Petersburg, Moscow, Leningrad, Rostov, Kaliningrad, Kostroma, Novosibirsk regions, the Stavropol and Khabarovsk regions, the Republic of Dagestan (936 persons, the database for 2015). The subject of investigation was the characteristics associated, according to literature, with the level of consolidation and homogeneity of elite.*

The results demonstrate considerable heterogeneity of regional power groups in conditions of primary socialization and type of the first higher education that could cause considerable cultural differentiation. From the other hand, the tendency to homogenization is distinctly observed recently. The uniformity of the social and professional pool of recruitment shows a steady trend of a plutocratization and professionalizing of regional power groups, that demonstrates their closeness as well as their consolidation around capitalistic values. Formation of the special social base of power elite, which minimizes arrival of persons from the «lowest» layers, has become an evident tendency. Mechanisms of vertical mobility became stable, which can signify the stabilization of this group.

The corruption remains a mechanism of consolidation of elite groups, a factor of their functioning and solidarity of the power and the population. High level of social closeness, plutocratization and homogenization of elite groups allows drawing a conclusion about high extent of consolidation of power community and stabilization of Russian social order.

Keywords: regional power groups, regional elites, groups of domination, administrators, bureaucrats, socialization, consolidation, plutocratization of elites, social order.

References

Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskiy A.V., Tev D.B. Rossiyskiye regional'nye elity: innovatsionny potentsial v kont3ekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization], In: Globalizatsiya v rossiyskom obshchestve [*Globalization in Russian society*] / ed. By I.I. Yeliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008, pp. 99-242. (In Russian)

Chislenost' naseleniya Rossiyskoy Federatsii po munitsipal'nym obrazovaniyam na 1 yanvarya 2017 goda [*Population of the Russian Federation by municipalities as of January 1, 2017*] / Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki (Rosstat). Moscow: Rosstat, 2017. [URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/afc8ea004d56a39ab251f2bafc3a6fce; available: 15.11.2017.] (In Russian)

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, N.Y.: Doubleday & Company, Inc., 1969.

Domhoff W.G. *Who Rules America Now? A View for the '80s*. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1983.

Edinger L.J., Searing D.D. Social Background in Elite Analysis: A Methodological Inquiry // *American Political Science Review*. 1967. Vol. 61, № 2. P. 428–445.

Giddens A. Elites in the British class structure, In: *Elites and Power in British Society* / Ed. by Stanworth P. and Giddens A. London: Cambridge University Press, 1974, pp. 1–21.

Hartmann M. Modeli obrazovaniya elit v Yevrope [Models of the education of the elites in Europe], In: *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya [Power structures and domination groups]* / ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012, pp. 10–39. (In Russian)

Hartmann, M. Elites and Power Structure, In: *Handbook of European Societies. Social Transformations in the 21st Century* Berlin; New York: Springer, 2010. pp. 291–323.

Kerbo H.R., Della Fave L.R.D. The Empirical Side of the Power Elite Debate: an Assessment and Critique of Recent Research // *Sociological Quarterly*. 1979. Vol. 20, № 1. P. 5–22.

Kim C.L., Patterson S.C. Parliamentary Elite Integration in Six Nations // *Comparative Politics*. 1988. Vol. 20, № 4, pp. 379–399.

Mills, R. Vlasvuyushchaya elita [Mills, Charles Wright. *The Power Elite*.] / Transl. from English to Russian. Moscow: Inostyrannaya literature, 1959. (In Russian)

Offe C. Class Rule and the Political System: On the Selectiveness of Political Institutions // *The State: Critical Concepts* / Ed. By Hall J.A. London, New York: Routledge, 1993. Vol. 1. pp. 104–129.

Rivera, Lauren A. Pedigree: How Elite Students Get Elite Jobs. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 2015. xvi, 375 pp.

Sorokin P.A. Sotsial'naya stratifi katsiya i mobil'nost' [Social stratification and mobility], In: Sorokin P.A. Chelovek, Tsivilizatsiya. Obshchestvo [*Human being. Civilization. Society*] / Ed. and coll. by A.Yu. Sogomonov; transl. from English to Russian. Moscow: Politizdat, 2002, pp. 184–269. (In Russian)

Tev D.B. Regional'naya politiko-administrativnaya elita: basseyn refrutirovaniya i konsolidatsiya [Regional political and administrative elite: pool of recruitment and consolidation], In: *Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [Conditions and opportunities for consolidation of Russian society]* / ed. by A.V. Duka, I.I. Yeliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. pp. 111–125. (In Russian)

Usloviya i vozmozhnosti konsolidatsii rossiyskogo obshchestva [*Conditions and opportunities for consolidation of Russian society*] / ed. by A.V. Duka, I.I. Yeliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2010. (In Russian)